МЕДВЕЖОНОК ТАЙМЫР

А. СИНЯВСКИЙ

Художественное оформление

Л. КОЗИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЙНАР», АЛМА-АТА — 1969 г.

Синявский А. В.
Медвежонок Таймыр.
[Рассказ-быль].
Алма-Ата, «Қайнар», 1969.
32 с.

Р 2
С 38

Белый медвежонок Таймыр родился не на далеком холодном Севере, где живут белые медведи, и не заснеженная берлога среди торосистых нагромождений льда была его первым жилищем. Не пришлось ему проходить и школу выучки такой суровой и сильной воспитательницы, как белая медведица. Таймыр не помнил своих родителей и даже не знал вкуса материнского молока.

Северные медвежата купаются в водах самого холодного на свете Ледовитого океана, а Таймыра мыли, совсем как ребенка, в горячих ваннах с мочалкой и мылом. Он рос среди людей в большом шумном городе. Его поведением, здоровьем и развитием постоянно интересовались ученые. И не удивительно: ведь он — один из немногих белых медвежат, родившихся и выросших в неволе. Работники Алма-Атинского зоопарка спасли его жизнь и вырастили из крохотного беспомощного существа большого сильного зверя.

Вот как это случилось.

4—1—2
103—68 М

Темной ноябрьской ночью, когда уже трещали двадцатиградусные морозы, в Алма-Атинском зоопарке у белой медведицы Снежинки родились детеныши, маленькие, беспомощные, слепые. Двое. Их появления ждали с большим нетерпением, и вот почему.

В зоопарке белые медвежата рождались каждый год, но еще не было случая, чтобы хоть один из них выжил. Мертвых, окоченевших от мороза, их обычно находили в клетке медведицы вскоре же после появления на свет. Виновницей гибели новорожденных медвежат, как это ни странно, была всегда сама медведица. Нет, она не загрызала детенышей. Взяв их в зубы, она металась с медвежатами по клетке до тех пор, пока те не погибали.

Почему она так делала? Чтобы понять это, надо знать, в каких условиях выращивают детенышей белые медведи на Севере.

Готовясь стать матерью, белая медведица становится настоящей отшельницей. Она уходит на какой-нибудь затерянный в океане остров и залегает там в глубокую берлогу, которую роет в снежном сугробе. Вскоре частые на Севере метели заносят берлогу так, что не остается никаких ее признаков. В этой берлоге под огромной толщей снега у медведицы и родятся малютки.

Защищенная от злых ветров, в уединении и тишине, белая медведица проводит почти три долгих месяца.

Все это время детеныши питаются молоком матери, но сама медведица ничего не ест и не пьет. Она живет за счет своих жировых запасов. Только тогда, когда медвежата окрепнут, сильно исхудавшая мать, наконец, покидает свое убежище. С этого времени для медведицы и ее малышей начинаются бесконечные скитания в поисках пищи.

Ни глубокой снежной берлоги, ни покоя и тишины—ничего этого не было в зоопарке. Вот почему всякий раз, когда появлялись на свет медвежата, мать начинала сильно волноваться. Она брала их в пасть и начинала сновать из угла в угол, тщетно пытаясь спрятать своих драгоценных крошек в безопасное место. Во время этих поисков редкие белые зверята погибали от холода.

Как уберечь и вырастить рождающихся в неволе детенышей белой медведицы—вот вопрос, который постоянно мучил работников зоопарка.

Так не должно продолжаться.

И в зоопарке решили: во что бы то ни стало отобрать детенышей у медведицы сразу, как только они родятся, и выкормить искусственно.

Установили круглосуточное дежурство у клетки медведицы. Продолжалось оно почти целый месяц. Днем дежурили служители, ночью—сторожа.

И вот, наконец, глубокой морозной ночью из клетки белой медведицы Снежинки послышался хрипловатый крик новорожденных. Теперь нужно было суметь сделать самое главное: как можно скорее овладеть медвежатами. Медведицу предстояло перегнать в пустую соседнюю клетку, запереть ее там. Дело это оказалось не простым. Снежинка сопротивлялась, и когда ее удалось все-таки перегнать, прошло около четверти часа. А много ли надо было новорожденным зверятам?

Когда малыши, наконец, оказались в руках сторожей, один из них был уже мертв. Толстая ледяная корка, словно броня, успела сковать и заморозить его хруп-

кое тельце. Живого поскорее закутали в теплый бараний тулуп и унесли в сторожку, где у жаркой печки быстро обсушили и обогрели. С любопытством разглядывали сторожа спасенного медвежонка.

Впрочем, никакой это был не медвежонок, а просто чурбачок. Толстенький, неуклюжий, ни глаз, ни ушей не видать.

Одно и знает—орет, да так громко, что хоть уши затыкай. Откуда только сила бралась... Если положить его на ладонь, то считай, что на всей и поместится. Радовались сторожа, что не дали погибнуть на морозе зверюшке. Теперь бы только дождаться утра да передать его в надежные руки.

ТРУДНЫЙ МЕСЯЦ

Воспитывать медвежонка вызвалась уборщица конторы Пелагея Семеновна Орехова. Жила она в небольшой комнатке при конторе, в нижнем этаже. Врачи и зоотехники решили, что эта уютная и тихая квартирка—самое подходящее место для малыша, а старательная и добросовестная женщина будет для него лучшей нянькой.

Они не ошиблись. Одинокая женщина сразу привязалась к питомцу. Кличку ему придумали сообща. Назвали Таймыром. И неспроста, а потому что родители медвежонка—белый медведь Айсберг и медведица Снежинка— были когда-то пойманы сосунками на льдине вблизи огромного полуострова Таймыр.

Первые дни белого медвежонка поили коровьим молоком из пузырька, на который надевали обыкновенную детскую соску, к которой Таймыр, хоть и не сразу, привык. Трудновато пришлось Пелагее Семеновне!

Ночью бывало раскричится Таймыр, ничем его не унять. Нездоров он был, потому что слишком много покричал, бедняжка, в ту морозную осеннюю ночь, первую в своей жизни. Криком и надорвал животик. Он у него теперь часто болел. До слез няньке жалко медвежонка, а сделать ничего не может. Спеленает Таймыра, возьмет его на руки и ходит по комнате.

Баюкала его, как ребенка:

—Баю-баюшки-баю...

На руках Таймыр успокаивался и засыпал, а бедная женщина уж и пошевелиться боялась. Не одну ночь она, как самоотверженная мать, прокоротала таким образом с медвежонком.

Днем Пелагею Семеновну ждали неотложные дела, и чтобы не оставлять питомца без присмотра, она прятала Таймыра себе за пазуху. Приспособилась вместе с ним мыть и подметать пол и даже печи топить.

Прошел месяц. Медвежонок подрос. Большой радостью для Пелагеи Семеновны было, когда у Таймыра стали открываться глаза и он начал понемножку ползать. Значит, не напрасно она провела столько долгих ночей без сна. Значит, будет жить ее любимец!

Слух о новорожденном белом медвежонке быстро разнесся по городу.

Как-то во время школьных зимних каникул в зоопарк приехал автобус Казахского радио. Свой рассказ о четвероногих и пернатых обитателях парка директор повел прямо от их клеток. И, конечно же, рассказал он юным слушателям о маленьком белом медвежонке Таймыре. А затем „дал слово" самому Таймыру. И он выступил. На что другое, а на это у него оказались просто замечательные способности. Целых полминуты с таким старанием кричал в микрофон, словно спешил сообщить всем ребятам, что он жив и с нетерпением ждет их в гости.

Веселая передача получилась.

Приток посетителей зоопарка возрос на следующий же день. Каждому хотелось взглянуть на необыкновенного жильца зоопарка.

А посмотреть и в самом деле было на что.

Белый медвежонок—ну как игрушка! Крутолобый с маленькими аккуратными ушками, с черными живыми и быстрыми глазками. А вот лапы—как у настоящего жителя далекой Арктики—мохнатые, широкие, сильные. Словом, новый питомец зоопарка мог бы пленить хоть кого, только Пелагея Семеновна не торопилась его показывать. Навещали его только врач зоопарка Кирилл Павлович Ушаков да иногда ребята из кружка юных биологов. Уж от них не избавиться—любопытный народ юннаты. То им зарисовать медвежонка надо, то взвесить, то измерить...

НА ПРИЕМЕ У ПРОФЕССОРА

Утром, встретив врача зоопарка, Пелагея Семеновна взволнованно сказала: «Кирилл Павлович, миленький, беда! Таймыр-то всю ночь как есть прокричал, бедняжка»... Тот внимательно осмотрел маленького пациента и тоже не на шутку забеспокоился, решил, что следует проконсультироваться с профессором.

И вот машина уже мчит их всех троих по широким улицам Алма-Аты.

Через четверть часа она остановилась у ветеринарного института. Здесь работал большой друг животных, профессор Яков Исаакович Клейнбок. Много всяких четвероногих пациентов пришлось принимать профессору в своей лечебнице, но такого, какой пожаловал на этот раз,—впервые.

Да, плохи, видно, были дела со здоровьем у маленького Таймыра, если профессор так долго и внимательно осматривал его и все покачивал головой. Но, должно быть, очень ласковые и нежные руки у Якова Исааковича, если всю дорогу кричавший медвежонок, очутившись у профессора, сразу умолк.

Был он очень похож на доктора Айболита. Правда, не хватало только бородки клинышком и огромных, в роговой оправе очков.

Отпуская Пелагею Семеновну, профессор вручил ей несколько рецептов на самые лучшие лекарства да еще прописал больному прогревание кварцевой лампой.

Дело пошло быстро на поправку. И когда спустя месяц белый медвежонок вновь навестил своего спасителя, в институте его просто не узнали.

Таймыр проявил удивительную общительность. Всех, кого бы ни встречал, считал своими добрыми знакомыми, бросался к ним и старался облобызать. Увидев профессора, медвежонок с радостью бросился к нему.

— О! Да неужто это тот самый заморыш?—искренне изумился профессор. —Молодец, Пелагея Семеновна! Питомец ваш—настоящий герой.

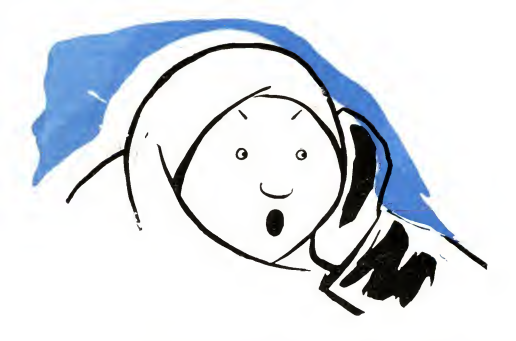
За всю многолетнюю практику ученый не помнил случая, когда бы в зоопарке вырастили белого медвежонка, отнятого от матери сразу после рождения.

ПРОДЕЛКА МАЛЕНЬКОГО ТАЙМЫРА

С тех пор, как Таймыр научился ходить, начались и его проделки. Правда, вначале они были еще терпимы.

Обычно рано утром Пелагея Семеновна уходила убирать контору. Питомец плелся вслед за ней и как мог помогал. По-своему помогал. Только возьмет его воспитательница в руки швабру, станет мыть пол, как Таймыр подберется к ведру с водой и опрокинет его. Прогонит женщина от ведра медвежонка, смотрит, а он уже на шторе повис и раскачивается, будто на качелях.

Как-то Пелагея Семеновна оставила Таймыра в комнате ненадолго одного. А когда вернулась, просто ахнула. Уходила, комната была чистой и светлой, а теперь в ней было все серо: по полу зола рассыпана и в воздухе ее целые тучи. В комнате хозяйничало какое-то чумазое четвероногое существо. Не сразу узнала в нем своего любимца.

Оказывается, медвежонок забрался в таз с золой, что стоял у печи. Стал он в нем барахтаться да лапами своими широкими прихлопывать.

— Батюшки мои! Да что же это делается?—причитала Пелагея Семеновна. Она так растерялась, что никак не могла сообразить, за что ей сначала приниматься: вытаскивать из золы медвежонка или открывать окно да наводить в доме порядок.

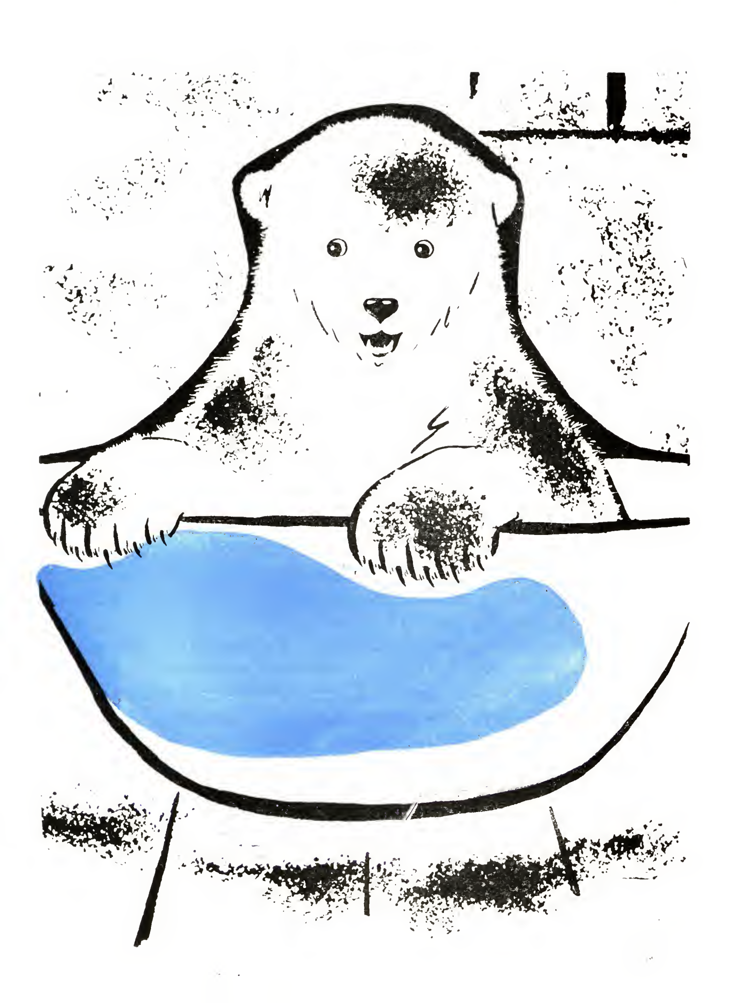
Проветрив наскоро комнату, Пелагея Семеновна налила в ванну теплой воды и осторожно промыла медвежонку глаза и мордочку, потом по очереди лапы, спину, шею и бока.Так и выкупала его в первый раз.

ССОРА

Медвежонок Таймыр был не первым звереньшем, которого выращивали сотрудники зоопарка. Летом на площадке молодняка можно было увидеть львят, тоже родившихся в зоопарке, и детенышей свирепых барсов, пойманных охотниками высоко в горах Заилийского Алатау, маленьких волчат, лис и многих, многих других диких зверят. Воспитанием их занимались юные натуралисты под руководством опытных зоотехников и служителей.

Разные были у четвероногих питомцев характеры, но с течением времени все они становились ручными и послушными.

Не таким оказался Таймыр.

Чем больше подрастал медвежонок, тем хуже становился его характер. Малышу не было еще и трех месяцев, а руки его воспитательницы не успевали заживать от многочисленных ссадин, царапин и даже укусов.

Правда, добросердечная женщина уверяла всех, что это просто шалость несмышленыша. ,,Подрастет—ума наберется, одна забава будет“, — говорила она, однако чем дальше, тем все яснее в Таймыре проявлялся неукротимый характер белых медведей.

Однажды Пелагея Семеновна сварила своему любимцу обед. В положенное время налила в чашку бульона и поднесла медвежонку, а тот схватил чашку зубами и стал вырывать ее из рук, расплескивая бульон по полу. Тут бы впору и отобрать у негодника пищу, чтобы в другой раз не вздумал капризничать. Но так не могла поступить терпеливая Пелагея Семеновна. Она стала упрашивать Таймыра не шалить и хотела, как всегда, погладить медвежонка, но тот не на шутку разозлился и больно укусил ее за руку.

Сгоряча женщина отшлепала Таймыра и посадила в пустую каморку. Но пока Пелагея Семеновна промывала и перевязывала рану, у нее и обида прошла.

Стало казаться, что поступила она с неслухом чересчур жестоко. «Сама виновата,—уже корила она себя,— просто надо было поберечься, Таймыр бы и не укусил». Тут же пошла мириться со своим питомцем, но Таймыр встретил ее сердитым взглядом. Уж он-то не собирался мириться. Медвежонок хорошо еще помнил трепку, а вот за что она досталась—не понимал. Ведь раньше ему такое прощалось.

— Ну будет тебе, Таймырушка, не сердись. Иди, миленький, ко мне,—уговаривала его работница, протягивая кусочек любимого им сахара. Но медвежонок все еще сердито сопел и не трогался с места. И только когда Пелагея Семеновна взяла его на руки и приласкала, Таймыр не выдержал. Он вдруг весь затрясся, застонал жалобно и протяжно, словно выговаривая ей за обиду.

Долго еще, прибаюкивая, носила его Пелагея Семеновна на руках, наконец он успокоился и уснул.

ЗАБАВНИК

Впрочем, Таймыр не так уж часто досаждал. Было у медвежонка немало и смешных проделок, которые не раз веселили его воспитательницу.

Как-то, когда Таймыр был еще совсем маленьким, Пелагея Семеновна, занявшись делами, на время забыла о своем новом жильце. Таймыр сначала все путался под ногами, а потом вдруг куда-то исчез. Спохватившись, женщина обыскала всю комнату, но медвежонка нигде не было. Чтобы это значило? Ведь обычно он не отходил от нее ни на шаг. В конце концов беглец был обнаружен на кухне. Он стоял на задних лапах у плиты и, потягивая носом воздух, вопросительно смотрел на кастрюлю, где ему варилась вкусная рисовая каша на молоке. Аппетитный запах ее и заманил медвежонка на кухню.

Таймыр был большой затейник. Придумает какую-нибудь игру и долго ею забавляется.

Очень любил медвежонок всякие детские игрушки: резиновых козликов, плюшевых медвежат. Только с резиновым мячом не мог сладить. Мяч вырывался из его лап и прыгал, медвежонку казалось, что мячик его не слушается. Таймыр сначала сердился, кусал и царапал мяч, а потом, потеряв терпение, поднимал такой рев, что Пелагее Семеновне с трудом удавалось успокоить его. Она убирала непослушный мяч подальше от глаз Таймыра и заменяла его другой игрушкой.

Еще нравилось белому медвежонку „играть в школу", как называла одно его занятие Пелагея Семеновна. Таймыр становился у табурета во весь свой рост, положив на него лапы, а Пелагея Семеновна клала перед ним лист бумаги. Медвежонок легонько скреб когтями по бумаге и, склонив на бок голову, прислушивался к ее шуршанию. В такой позе он напоминал первоклассника, кото-

рый с большим старанием выводит в тетради трудные крючочки.

Вволю наигравшись, медвежонок подходил к своей воспитательнице и, прильнув к ее ладони теплой мордочкой, начинал протяжно и очень ласково урчать.

Это означало: „Я хочу спать". Тогда Пелагея Семеновна усаживалась на диван с книжкой. Таймыр ложился на мягкий коврик у ее ног и, все так же урча, засыпал. А часто под его монотонное урчанье засыпала и сама Пелагея Семеновна. Мирную они представляли картину...

ТАЙМЫР И СНЕГ.

Разве это не удивительно, что северный белый медвежонок до четырехмесячного возраста не играл в снегу? Но это было так.

Боясь, чтобы питомец ее не простудился, Пелагея Семеновна никогда не отпускала его во двор. Может быть, Таймыр еще не скоро бы побарахтался в снегу, но в этом году глубокими сугробами он лежал даже в марте.

Как-то утром работница пожалела будить сладко спавшего Таймыра и отправилась убирать контору одна. Но едва Пелагея Семеновна вышла из комнаты, медвежонок тут же проснулся и кинулся вслед за ней. Из комнаты—в коридор, из коридора—по ступенькам пробрался в вестибюль. Дорога была ему хорошо знакома.

Из вестибюля медвежонок обычно следовал за Пелагеей Семеновной в контору, так оно было бы и на этот раз, но, к несчастью, дверь на улицу оказалась широко открытой, а оттуда веяло такой приятной прохладой. Медвежонок потянул носом воздух, влажный, смешанный с пресным запахом свежевыпавшего снега, и, не раздумывая, кинулся во двор.

Какое раздолье! Ой, сколько белого сахару! Проказник начал с жадностью глотать снег, и хотя снег оказался вовсе не сладкий, Таймыру он все равно понравился.

Наглотавшись снега, медвежонок с удовольствием стал в нем просто барахтаться и прыгать. Пушистая шубка Таймыра густо облипла влажным снегом, и он стал похож на большой снежный шар.

Вскоре этот шар очутился на крутой ледяной горке, которую соорудили местные ребятишки. Детишки еще не успели ахнуть, а наш беглец, разогнавшись, очень ловко, совсем по-мальчишески, съехал с нее вниз. А потом, войдя во вкус, нисколько не смущаясь хозяев, сначала разинувших рот, а затем хохочущих ребят, скатился еще и еще раз со снежной горки.

Эта забава, должно быть, не надоела бы медвежонку до самого вечера, но на беду уж кто-то всполошил Пелагею Семеновну. Налетев на медвежонка, она схватила его, как котенка, за заснеженный загривок и поскорей унесла в комнату. Здесь она насухо вытерла проказника полотенцем и, спеленав, как грудного ребенка, уложила в кровать.

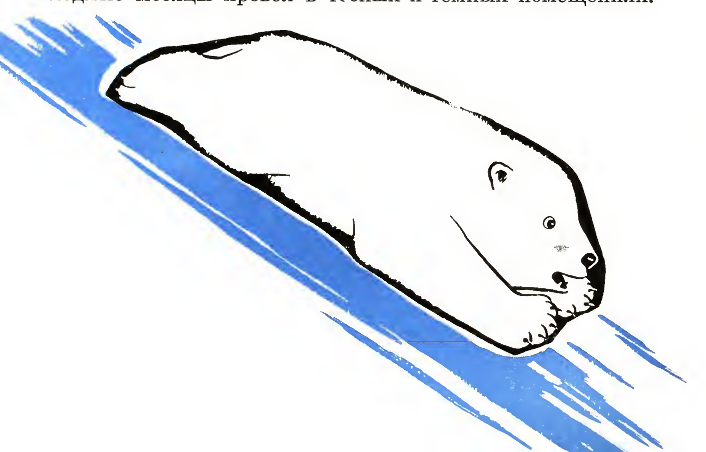
Весь день не отходила от него встревоженная женщина. Так и думала, что Таймыру не миновать болез-

ни, но, к счастью, все обошлось благополучно. После этого случая стала строже следить за Таймыром, да только не легко теперь было удержать его дома. Познав прелесть снега и ребячьих забав, он пускался на всяческие хитрости, чтобы обмануть бдительность своей воспитательницы и улизнуть во двор на полюбившуюся ему снежную горку. И это не раз еще ему удавалось. Только зря волновалась добрая Пелагея Семеновна: простуда Таймыра не брала. Наоборот, наигравшись во дворе, он хорошо, с аппетитом ел, меньше надоедал, крепко и подолгу спал.

КОГО ВСТРЕТИЛ ТАЙМЫР В ЗООПАРКЕ

Первая в жизни медвежонка Таймыра весна была поздняя, но зато дружная. Снег сошел в начале апреля быстро и безвозвратно.

Весна — самая счастливая пора для всех обитателей зоопарка, а особенно для тех, кто долгие холодные месяцы провел в тесных и темных помещениях.

Многие из них и теперь резвились на лужайках, все неудобства зимы позади.

Вот, распустив веером пышный, в перьях-самоцветах хвост, важно прохаживается перед своей подругой-павой павлин. Словно одурев от солнца и тепла, с радостным курлыканьем бегают по зеленой лужайке, точно вперегонки, длинноногие журавли.

Веселый гомон стоит на голубых разливах прудов. Лебеди и гуси, пеликаны и балканы, утки и аисты—все были охвачены радостным ликованием. Кто пел, кто кричал, кто свистел, кто крякал, но все были заняты и делом: каждый торопился быстрее построить свой собственный летний домик—гнездо...

В один из таких погожих весенних дней собралась на прогулку с Таймыром и Пелагея Семеновна.

Если не считать зимних самовольных отлучек медвежонка, эта прогулка по зоопарку была у него первой.

Выйдя из дома, Пелагея Семеновна сразу же свернула на ближнюю аллею и пошла по ней. Медвежонок, как собачонка, торопливо трусил следом.

У клеток с пернатыми хищниками Таймыра ждала неприятность. Увидев медвежонка, вдруг заволновались и шумно захлопали огромными крыльями орлы и ринулись к нему со своих насестов. Крепкие железные решетки, конечно, удержали хищных птиц от разбоя, но напуган Таймыр был все же изрядно.

Обойдя загоны оленей и диких коз, Пелагея Семеновна и ее питомец очутились под огромными раскидистыми деревьями. Защищенная от солнца густыми кронами вековых лип и карагачей, там стояла крепкая просторная клетка с бассейном, в которой беспокойно сновали два коренастых зверя. Это были белые медведи Снежинка и Айсберг — родители Таймыра.

Любопытная мордочка ткнулась в частую решетку клетки и очутилась носом к носу с медведицей.

Некоторое время круглые глазки сына доверчиво смотрели в продолговатые глаза Снежинки, но вдруг медведица сердито зафыркала и засопела, и Таймыр только тогда рассмотрел, какая она огромная и страшная. Поджав свой коротенький хвост, он опрометью кинулся к своей защитнице и спрятался у нее за спиной.

Медведица не успокаивалась, она продолжала громко рявкать, шерсть у нее на загривке поднялась дыбом.

Совершенно очевидно, что она не признала в Таймыре сына.

Не стала Пелагея Семеновна больше беспокоить медведицу и быстро ушла от клетки. С оглядкой, дробной трусцой бежал теперь уже впереди нее перепуганный медвежонок.

ТАЙМЫР КУПАЕТСЯ В ПРУДУ

Когда на пруду зоопарка появились широкие полыньи, кто-то предложил искупать в нем Таймыра. Он очень любил воду, особенно талую снеговую в весенних лужах и под водосточными трубами. С тех пор, как появилась такая вода, медвежонок не упускал ни одного удобного случая, чтобы не искупаться в ней. Пелагея Семеновна была просто бессильна отвадить его от этой, казавшейся ей дурной, привычки. Всякий раз, увидев вымокшего под трубой или вывозившегося в луже Таймыра, она только горестно охала и разводила руками.

Конечно, она понимала, что медвежонку полезно и нужно купаться. Да и купала его Пелагея Семеновна чуть не каждый день. Но ведь делала она это как положено: в настоящей ванне, горячей водой с мылом. Он уже привык, сам в воду лезет, по очереди бока подставляет, чтоб мочалкой натирали. Моет его Пелагея Семеновна до тех пор, пока сквозь чистую шерстку розовое тело не

начнет просвечивать. После насухо вытрет полотенцем да еще частым гребешком расчешет. Тогда уже и спать укладывает на чистую простынку.

Вот это купанье, не то что под водосточной трубой! На предложение искупать Таймыра в пруду она согласилась, но не верила, что эта затея кончится для медвежонка благополучно. Когда в условленное время Пелагея Семеновна повела на пруд на поводке белого медвежонка, за ней двинулись почти все сотрудники зоопарка во главе с директором.

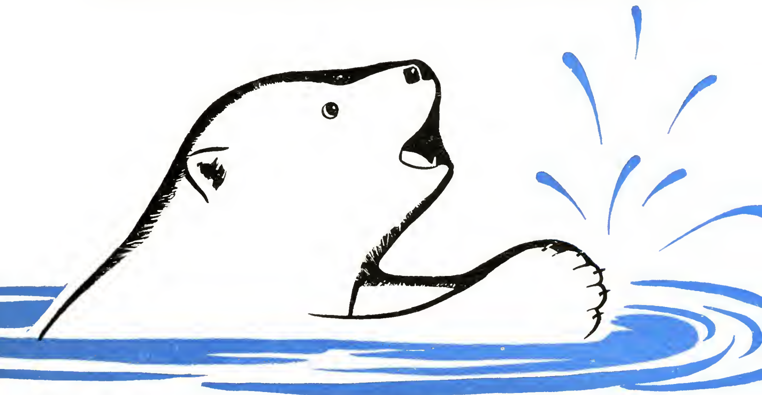
Шуточное ли дело—первый раз Таймыр будет купаться не в луже и не в ванне, а в большом пруду!

Больше всех волновалась Пелагея Семеновна.

— Афанасий Сергеевич,— просила она директора,— вы уж, пожалуйста, не перекупайте моего Таймыра, да выберите место у бережка, где помельче, а то, чего доброго, утонет...

Директор только посмеивался: «Что вы, Пелагея Семеновна, Таймыр как-никак—полярный медведь! Не бойтесь, не простудится и не утонет!»

Врач зоопарка Кирилл Павлович легонько толкнул стоящего на берегу озера медвежонка, и тот, шумно бултыхнувшись, сразу скрылся под водой. На месте его па-

дения видны были быстро расходящиеся круги, да пузырьки воздуха весело выскакивали из глубины озера.

Уже стала успокаиваться потревоженная медвежонком водная гладь, а он все не выныривал. Тут не только Пелагея Семеновна, а и более оптимистически настроенные люди стали волноваться. Но тут вода вдруг заколыхалась и на поверхности пруда все увидели довольную мордочку вынырнувшего медвежонка. Раздался общий вздох облегчения, но зрители вновь зашумели, когда увидели, что Таймыр, ловко заработав лапами, быстро поплыл к середине пруда, где было особенно глубоко. Кто-то кинулся к лодке, чтобы поплыть на выручку пловцу, но оказалось, что забыли взять весла...

Первая нашлась Пелагея Семеновна. Она быстро обогнула пруд и, оказавшись на противоположном берегу, просто покликала Таймыра.

Как ни приятно было Таймыру купаться, но услышав знакомый голос, медвежонок немедля подплыл к берегу.

Напрасно упрашивали все собравшиеся и особенно юннаты Пелагею Семеновну снова отпустить своего любимца в пруд. Она никого больше слушать не стала. Обняв своего питомца, Пелагея Семеновна поспешно увела его домой.

ЧЕМ ОКОНЧИЛИСЬ ПРОГУЛКИ МЕДВЕЖОНКА

Таймыру очень полюбились прогулки. С наступлением тепла Пелагея Семеновна стала выводить его каждое утро. Обычно они бродили по широкой красивой аллее, идущей от конторы до входных ворот зоопарка.

По одну сторону этой аллеи расположились пруды с водоплавающей птицей, по другую — легкие клетки и вольеры. На неторопливую прогулку по этой аллее туда и обратно уходило всего четверть часа. Этого вполне хватало медвежонку для утренней разминки, после чего ему полагался завтрак. Нередко на прогулке сопровождали его юные друзья — юннаты или просто случайные дети. Но чаще всего он гулял вместе со своей воспитательницей. Напуганный встречей с белой медведицей Таймыр старался теперь ни на шаг не отставать от Пелагеи Семеновны, а это было не так-то просто, так как Таймыр был чрезвычайно любопытен. Заметит ли он ползущего по аллее жука или суетящегося на цветке мохнатого, как сам медвежонок, шмеля, Таймыр считает своим долгом его хорошенько рассмотреть и обнюхать. Подобные диковинки попадались на каждом шагу. Случалось, что он так увлекался находкой, что терял из виду Пелагею Семеновну и тогда, спохватившись, с недовольным ворчанием догонял ее сломя голову.

Иногда работница ради шутки специально пряталась от своего питомца. Заметив, что он остался один,

медвежонок начинал метаться и, совсем как маленький ребенок, потерявший мать, жалобно вопить.

Впрочем, скоро смышленый медвежонок научился разыскивать воспитательницу по следу, как собака.

Незаметно прошло лето. Таймыр вырос чуть ли не с медведицу Снежинку.

Страшен был на вид этот огромный зверь, свободно разгуливающий по зоопарку. Все, кроме Пелагеи Семеновны, его стали бояться, хотя на людей он ни разу не нападал.

Таймыра выводили на прогулку по утрам, до прихода посетителей. Но однажды прогулка непредвиденно затянулась, и в зоопарк веселой стайкой вбежали школьники. Звонко смеясь и обгоняя друг друга, они спешили к клеткам. Услышав голоса детей, женщина хотела тут же взять Таймыра за ошейник, но не успела.

Услышал детей и медведь. Увернувшись от рук женщины, он кинулся навстречу голосам и со всего хода врезался в шумную ребячью ватагу. Испуганные, те бросились врассыпную, и только одна девочка, лет восьми, осталась стоять как вкопанная. Медведь подбежал к ней, и неизвестно, как окончилась бы эта негаданная встреча, если бы в это время не подоспела Пелагея Семеновна, которая быстро встала между Таймыром и перепуганным ребенком.

Взбешенный вмешательством воспитательницы, медведь протестующе взревел и больно укусил ее за ногу.

Пелагея Семеновна схватила медведя за ошейник, с силой оттолкнула его от себя и гневно прикрикнула. Только тут опомнился обезумевший зверь. Он виновато поджал хвост, заскулил и покорно поплелся за своей укротительницей, которая вгорячах не сразу почувствовала боль от укуса медведя. Всем своим поведением Таймыр показывал, что он осознал свою вину и очень раскаивается, но этот случай решил дальнейшую судь-

бу медведя. Дальше нельзя было полагаться на его коварный нрав, и Таймыра, как опасного, сильного зверя, заперли одного в просторную, чистую клетку с толстыми железными прутьями.

В КЛЕТКЕ

Кончилась вольная жизнь Таймыра. Он потерял не только свободу, но и свою добрую, ласковую воспитательницу, без которой и дня не мог прожить. С тех пор в зоопарке постоянно раздавался ужасный рев, громкий, сердитый, нетерпеливый. Это протестовал Таймыр.

Тяжело было слушать Пелагее Семеновне этот надрывной рев, казалось, что ее питомец плачет. Три дня не подходила она к клетке Таймыра, но на четвертый не вытерпела. Сами ноги понесли ее к клетке любимого питомца. Медведь сразу замолчал и, как бы извиняясь, прильнул теплыми губами к ее руке, заурчал нежно и ласково, совсем так, как когда-то в детстве.

Пелагея Семеновна не узнала своего любимца. Это был не прежний, немного избалованный и сильный белый медведь, а какое-то жалкое животное, с впалыми боками и обвисшей кожей. Так изменили беднягу всего три дня одинокой жизни в клетке. Невольно вспомнилось, каких трудов стоило ей и всему коллективу зоопарка сберечь и вырастить медвежонка. Сердце разрывалось от тоски и сострадания.

В тот же день она зашла в кабинет директора зоопарка и со слезами на глазах стала просить его еще хотя бы один только раз сводить Таймыра на прогулку.

Афанасий Сергеевич долго не соглашался, но женщина просила так горячо, что в конце концов он вынужден был уступить.

На рассвете следующего дня белый медведь был разбужен грохотом железных затворов. И вот Таймыр снова на свободе.

Чтобы подольше продлить удовольствие своему питомцу, Пелагея Семеновна шла с медведем по знакомой аллее как можно медленнее. Но все равно время пролетело очень быстро. К десяти часам утра Таймыра необходимо водворить в клетку, и работница, скрепя сердце, первой прошла в ее тесную дверь. Таймыр с радостью последовал за ней. Довольный прогулкой, успокоенный присутствием воспитательницы, он положил на ее колени голову и вскоре уснул крепким сном.

Легко себе представить, каково было Таймыру, когда, проснувшись, он увидел, что находится в клетке попрежнему один. Медведь едва не извелся от крика.

Шли дни, а Таймыр все не привыкал к жизни в клетке. Новых служителей он не признавал, и те, чтобы не тревожить его понапрасну, старались меньше показываться на глаза, лишь приносили пищу.

Зато медведь моментально успокаивался, когда видел Пелагею Семеновну, которая часто проведывала его. Это были очень трогательные встречи...

Когда добрая женщина навещала выращенного ею медведя, у клетки Таймыра собиралась огромная толпа.

Уступая просьбам собравшихся у клетки людей, не раз рассказывала Пелагея Семеновна правдивую, но похожую на сказку историю о том, как из крошечного новорожденного зверька она вырастила этого огромного медведя.

ПРОЩАЙ, ТАЙМЫР!

Так прожил Таймыр в зоопарке до осени и понемногу смирился со своей участью.

Рядом с клеткой медведя устроили небольшой бассейн, и в жаркие часы дня Таймыр с удовольствием в нем купался.

Однажды Алма-Атинский зоопарк посетил представитель Московского зооцентра. Знакомясь с обитателями зоопарка, дольше всего он задержался у клетки молодого белого медведя. Дело в том, что недавно в Московский зооцентр пришло письмо из Польши. В нем зарубежные друзья просили помочь им найти молодого белого медведя для Краковского зоосада. И Таймыр показался гостю очень подходящим кандидатом для отправки в дружественную страну.

Судьба Таймыра была решена. Алма-Атинский зоопарк охотно уступил своего питомца польским друзьям. Проводить его пришли все работники зоопарка и верные друзья юннаты. Когда машина с Таймыром в клетке отъехала, Пелагея Семеновна, стоявшая в стороне, смахнула набежавшую слезу.

— Счастливого пути, Таймырушка-а!

